

И. В. Попов

**Св. Иоанн Златоуст и его
враги**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
П58

П58 **Попов И.В.**
Св. Иоанн Златоуст и его враги / И. В. Попов – М.: Книга по Требованию,
2013. – 98 с.

ISBN 978-5-518-06969-5

Богословский вестник, 1907, III №11, с. 569-607; №12, с. 798-855.

ISBN 978-5-518-06969-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

заетъ вполнѣ. Важнѣе вліяніе аскетической дисциплины на характеръ стойкаго въ своихъ убѣжденіяхъ и непреклоннаго въ исполненіи своего пастырскаго долга святителя. Отъ природы онъ былъ надѣленъ смѣлымъ и независимымъ сердцемъ, но это не всегда еще бываетъ достаточнымъ для полноты нравственной свободы. Для нея необходимы еще религіозные и нравственные устои. Свобода и внѣшнее благосостояніе или, вѣрнѣе, свобода и привычка, пристрастіе къ внѣшнему благополучію несовмѣстимы. Если желаешь сохранить для себя спокойствіе, положеніе и удобства жизни, то будешь вынужденъ ограничить свою свободу по отношенію къ тѣмъ лицамъ, въ рукахъ которыхъ находятся всѣ эти, привлекательныя для большинства, вещи. Молодое, искреннее увлеченіе аскетизмомъ освободило Златоуста отъ этого естественнаго пристрастія къ внѣшнему и нравственно и, такъ сказать, физически,—нравственно, потому что неподдѣльно было его презрѣніе ко всему, не имѣющему нравственнаго значенія, и физически, потому что у него образовалась привычка, тщательно поддерживаемая въ теченіе всей жизни,—довольствоваться малымъ и самымъ необходимымъ. Превознося монашество въ перечисленныхъ трактатахъ, онъ выдвигаетъ на первый планъ именно эту независимость искреннихъ монаховъ отъ внѣшнихъ благъ и условий, находящихся внѣ нашей воли. За то съ негодованіемъ бичуетъ онъ лицемѣрныхъ монаховъ, которыхъ такъ мѣтко онъ характеризуетъ въ слѣдующихъ словахъ: „что широкихъ вратъ желаютъ и домогаются нѣкоторые изъ мірянъ, это не очень удивительно; но что мужи, которые, повидимому, распялись для міра, ищутъ ихъ болѣе, чѣмъ міряне, это изумительно, даже походить на загадку. Отъ всѣхъ почти монаховъ, если пригласишь ихъ на какое-либо дѣло, тотчасъ услышишь прежде всего вопросы въ такихъ словахъ: можно-ли имъ найти покой, можетъ ли пригласившій успокоить ихъ; постоянно повторяется слово: *покой*“¹⁾. За то о самомъ себѣ онъ съ полнымъ правомъ могъ сказать въ бесѣдѣ предъ отпращиваніемъ въ ссылку: „много волнъ и сильна буря; но мы не боимся потопленія, потому что стоимъ на камнѣ... Все страшное въ мірѣ для меня презрѣнно, а бла-

¹⁾ Ibid. т. I, 139.

гопріятное смѣшно. Я не боюсь бѣдности, не желаю богатства; не страшусь смерти, не желаю жить, развѣ для вашего преуси́янiя“¹⁾. Для него, вслѣдствіе аскетическихъ привычекъ, стало нечего терять, и взамятъ этого онъ получилъ то, что такъ выразительно называлось по гречески словомъ *παύσησία*,—смѣлость сказать все до конца и всякому.

Въ своихъ аскетическихъ подвигахъ и занятіяхъ св. писаніемъ Златоустъ не былъ одинокъ. Онъ былъ членомъ небольшого кружка одинаково настроенныхъ друзей и имѣлъ замѣчательнаго руководителя. Его друзьями были упомянутый уже Василій, Максимъ, впоследствии епископъ Селевкійскій, и Теодоръ, съ 392 или 393 г. епископъ Мопсуестіи, а учителемъ и руководителемъ—Діодоръ, будущій епископъ тарсійскій, а въ то время знаменитый аскетъ и настоятель одного изъ ближайшихъ монастырей. Такъ установилась тѣсная связь между Златоустомъ и двумя наиболѣе видными представителями антиохійской школы. Это обстоятельство имѣетъ большую важность для пониманія личности и характера дѣятельности святителя, памяти котораго посвященъ настоящій очеркъ. Поэтому мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на отличительныхъ особенностяхъ того богословскаго направленія въ древней церкви, которое извѣстно подъ названіемъ антиохійской школы. Двѣ выдающихся черты характеризуютъ собою это направленіе.

Первая черта—преобладаніе въ религіозности антиохійцевъ моральнаго элемента надъ мистическимъ, обостренный интересъ къ нравственной самодѣятельности, высокая оцѣнка моральной воли, ея усилій и подвиговъ. Форма религіозности всегда находитъ для себя выраженіе и, такъ сказать, опознаетъ себя въ тѣхъ отвлеченныхъ положеніяхъ, касающихся теоретической стороны вѣры, которыя называются догматами. Догматическія понятія антиохійской школы какъ въ ученіи ея древнѣйшихъ представителей, такъ и въ доктринахъ основателей ея новаго періода, носятъ на себѣ неизгладимую печать указаннаго нами религіознаго интереса. Въ ученіи о личности І. Христа школу характеризуетъ адопціанство въ различныхъ его формахъ и видахъ. Вотъ рядъ фактовъ въ подтвержденіе этого.

¹⁾ Ibid. т. III, стр. 444.

Къ древнѣйшимъ антиохійскимъ богословамъ можно отнести уже Павла Самосатскаго. Его осужденное церковью ученіе о личности Христа важно для насъ только со стороны своей тенденціи. Христось, по ученію Павла, есть простой человѣкъ, родившійся сверхъестественнымъ образомъ отъ Дѣвы Маріи. Съ Нимъ соединился Божественный Логось, безличная божественная сила, отъ вѣчности исходящая отъ Бога и дѣйствовавшая въ Моисеѣ, пророкахъ и другихъ лицахъ. Христось сравнительно съ другими пророками лишь въ большей мѣрѣ былъ осѣненъ этой благодатною силой. Но человѣкъ Іисусъ пламенѣлъ неизмѣнною любовью къ Богу, воля его была чиста и нравственные подвиги высоки. За это, по мѣрѣ Его нравственнаго преслѣванія, Богъ ниспосылалъ Ему все большую благодать. Онъ далъ Ему силу творить чудеса и знаменія, даровалъ Ему имя выше всякаго имени, власть творить судъ и возвелъ въ божественное достоинство.

Ученикъ и соотечественникъ Павла, мученикъ Лукіанъ, котораго называютъ „Аріемъ прежде Арія“, и всѣ „солукіанисты“ во главѣ съ инициаторомъ аріанскихъ споровъ удерживаютъ идею Искупителя, возвышающагося до Божественнаго достоинства путемъ нравственной борьбы и подвига, но съ человѣка Іисуса переносятъ ее на ангелоподобное существо, вызванное къ бытію творческимъ актомъ. Ранѣ созданія міра Богъ сотворилъ личное существо, Логоса, который по природѣ своей не стоитъ внѣ возможности грѣхопаденія, будучи надѣленъ, какъ и ангелы, свободою выбора. Предвидя въ Логосѣ неизмѣнность воли и стремленія къ добру, Богъ напередъ сообщилъ Ему все богатство своей благодати. При помощи благодати и собственныхъ усилій Логось возвышается до степени „Единороднаго Бога“.

Въ нѣсколько измѣненныхъ формахъ, но та же высокая оцѣнка нравственнаго подвига характеризуетъ собою ученіе друга Іоанна Златоуста, Θεодора Мопсуетскаго, и конечно этою чертою своего ученія послѣдній обязанъ общему руководителю подвижническаго кружка антиохійской молодежи, Діодору. Θεодоръ признавалъ безусловную свободу воли, и свободныя усилія считалъ исходной точкой въ дѣлѣ спасенія. Только по мѣрѣ вѣры и трудовъ ниспосылается человѣку благодать Св. Духа, не оправдывающая и не освящаю-

шая его въ настоящей жизни, а лишь нѣсколько помогающая ему бороться съ силою грѣховныхъ наклонностей, живущихъ въ нашей душѣ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ взглядомъ на спасеніе стоитъ и хринологія Θεодора, проникнутая традиціоннымъ адопціанизмомъ. Послѣ Никейскаго собора и торжества православія надъ аріанствомъ для адопціанства не могло быть мѣста въ ученіи о Божественной природѣ Христа, но оно могло еще сказаться въ богословскихъ теоріяхъ, касающихся вопроса о соединеніи природъ въ исторической личности Искупителя. Придавая важное значеніе назидательному примѣру жизни и подвиговъ Спасителя, Θεодоръ съ особенною настойчивостью говоритъ объ Его нравственной борьбѣ, усиліяхъ и побѣдѣ. Не чуждый склонности ко грѣху, искушеній и общечеловѣческихъ слабостей, Христосъ велъ борьбу со своею плотію и искушеніями душевными. Въ Геосиманскомъ саду Онъ изнемогалъ отъ страха и боязливости, устрашаемый надвигающимися страданіями, но силою своей воли побѣдилъ слабость человѣческой природы. Божество, обитавшее въ Немъ, только ускорило Его естественное нравственное развитіе и облегчало для Него тяжесть нравственной борьбы. По мѣрѣ нравственнаго роста человѣка Іисуса, происходило все болѣе и болѣе тѣсное соединеніе Его съ обитавшимъ въ Немъ Богомъ Словоиъ. И только по воскресеніи Іисуса Богъ-Слово вступилъ съ Нимъ въ полное и нераздѣльное нравственное единеніе, сдѣлавъ Его предметомъ поклоненія для людей и ангеловъ и даровалъ Ему имя паче всякаго имени. Цѣня въ лицѣ Искупителя главнымъ образомъ чистую нравственную личность, силою своей свободной воли возвышающуюся до божественной славы, Θεодоръ не могъ допустить тѣснаго, ипостаснаго соединенія двухъ природъ во Христѣ и считалъ это единеніе Бога Слова съ воспринятымъ человѣкомъ только нравственнымъ и внѣшнимъ.

Изъ приведенныхъ фактовъ ясно обнаруживается, какое значеніе и цѣнность имѣла въ глазахъ антиохійскихъ богослововъ моральная сторона религіи. Идея существа, достигающаго божественнаго достоинства энергіей нравственной самодѣятельности, красною нитью проходитъ чрезъ всю исторію вѣроученія антиохійцевъ.

Вторая отличительная черта антиохійской школы касается

экзегетики и способа толкованія св. писанія. Она проявляется уже въ послѣоригеновское время, начиная съ Діодора и Теодора, и отчасти обязана своимъ происхожденіемъ тому научному возбужденію, которое исходило отъ великаго александрійскаго учителя и чрезъ посредство основанной имъ кесарійской бібліотеки передавалось на востокъ. Въ библейскихъ работахъ Оригена совмѣщается строго научный критическій методъ съ мистико-аллегорическимъ пониманіемъ текста. Уже одного колоссальнаго предпріятія—подвергнуть ревизіи текстъ св. писанія, какъ оно выполнено въ знаменитыхъ экзаплахъ и тетраплахъ Оригена, было бы достаточно, чтобы показать, насколько была для него важна строго научная работа въ этой области. Объ этомъ же свидѣлствуютъ и его комментаріи, въ которыхъ выясненію буквальнаго смысла священнаго текста путемъ снесенія параллельныхъ мѣстъ, филологическихъ, географическихъ, историческихъ и археологическихъ справокъ удѣлено не мало мѣста. Но все это для Оригена, желавшаго быть христіанскимъ гностикомъ, представлялось не болѣе, какъ черновой работой. Его душа съ юныхъ лѣтъ находила истинное удовлетвореніе въ поискахъ духовныхъ истинъ и глубокихъ философскихъ идей, скрывающихся подъ оболочкой символовъ и покровомъ буквы. Антиохійская школа въ своей экзегетикѣ оставила въ сторонѣ то, что было самого дорогого для Оригена, и посвятила свои силы главнымъ образомъ тому, что въ Александріи признавалось менѣе важнымъ. Не отрицая вполне типологическаго значенія писанія, антиохійскіе экзегеты съ особенною любовію занимались выясненіемъ прямого, буквальнаго, историческаго смысла бібліи. Для нихъ было важно открыть ту мысль, которую влагалъ въ слова самъ писатель извѣстной книги. Они старались достигнуть этого изслѣдованіемъ особенностей языка священныхъ книгъ, свойственнаго имъ стилю, подлиннаго значенія употребляющихся въ нихъ метафоръ, троповъ и образныхъ выраженій, установленіемъ контекста рѣчи и логической связи, въ которой стоятъ ея отдѣльныя части, изысканіями въ области исторіи, быта, географіи и археологіи Палестины. Они впервые почувствовали, какой неисчерпаемый источникъ нравственнаго обновленія, какой лучезарный свѣтъ содержится въ просто и буквально понимаемомъ текстѣ писанія, и это связываетъ

вторую отличительную черту антиохійской школы—историческій методъ толкованія библіи—съ первой—преобладаніемъ нравственнаго интереса въ ея религіозномъ настроеніи.

Такова была нравственная атмосфера того избраннаго кружка, въ которомъ Іоаннъ воспитывалъ себя для Бога, церкви и человѣчества. Отсюда онъ вынесъ глубокое уваженіе къ моральной сторонѣ религіи и умѣнье пользоваться непосредственнымъ смысломъ библіи для проведенія въ жизнь высокихъ нравственныхъ идеаловъ. Кто хоть сколько нибудь читалъ Златоуста, тотъ не могъ не изумляться обширности его познаній въ св. писаніи и искусству извлекать изъ текста нравственныя идеи и примѣры добродѣтели. Поразительна здѣсь находчивость и остроуміе проповѣдника. Каждый оборотъ рѣчи, каждый предлогъ, глагольная форма, незначительныя и неуловимыя подробности въ его рукахъ оживаютъ, наполняются глубокимъ нравственнымъ содержаніемъ, превращаются въ цѣлыя картины, яркія и выхваченныя изъ самой жизни. Въ подтвержденіе этого достаточно сослаться на его бесѣды о богатомъ и Лазарѣ или на описаніе гостепріимства Авраама ¹⁾.

Таковы основные элементы, изъ которыхъ слагается личность св. Іоанна Златоуста.

Обращаясь къ характеристикѣ личности Златоуста, мы сначала скажемъ о томъ, чѣмъ онъ не былъ, какимъ его не слѣдуетъ представлять себѣ.

Прежде всего св. Іоаннъ не былъ администраторомъ или организаторомъ силъ. Его воля направлялась не къ тому, чтобы изъ церкви сдѣлать учрежденіе, покоящееся на внѣшнихъ устояхъ политическаго, правового и экономическаго характера. Въ этомъ отношеніи антиохійскій проповѣдникъ является прямою противоположностью Василия Великаго. Духъ Василія былъ обращенъ преимущественно къ внѣшнему. Человѣкъ знатнаго происхожденія и очень богатый, онъ выдавался среди друзей прирожденною способностью властвовать и создавать всюду прочную организацію. Противникъ благотворительности, руководимой исключительно внушеніями сердца и позволяющей злоупотреблять собою,

¹⁾ Златоустъ. Творенія. Т. V, стр. 566—568. Ср. еще VII, 442—443. XI 895—896.

онъ создаетъ обширныя благотворительныя учрежденія и дома трудолюбія со строгими порядками. Насадивъ монашество въ Каппадокіи, онъ тотчасъ же даетъ ему уставъ. Занимая должность пресвитера и юридически не имѣя никакихъ административныхъ полномочій, фактически онъ несъ на себѣ обязанности епископа и завѣдывалъ всеми епархіальными дѣлами. Въ санѣ епископа онъ слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ церковныхъ правилъ и очень скоро достигъ того, что подчиненный ему клиръ сталъ образцовымъ. Церковь во время его епископства, по выраженію церковнаго историка, напоминала ночное сраженіе, когда въ глубокомъ мракѣ противники, перемѣшавшіе свои ряды, перестаютъ отличать враговъ отъ друзей. Василій собираетъ разсѣянныя силы православныхъ. Онъ входитъ въ сношеніе съ единомышленниками, привлекаетъ путемъ разумныхъ уступокъ на сторону православія полуріанъ, пріобрѣтаетъ расположеніе и довѣріе св. Аѳанасія, дважды отправляетъ посольство къ папѣ въ надеждѣ примирить между собою Востокъ и Западъ. Чуждый всякаго раболѣпства, Василій тщательно однако поддерживаетъ свои связи въ столицѣ, чтобы, пользуясь ими, оказать иногда защиту несправедливо угнетенному или обобранному сборщиками податей.

Не таковъ былъ Златоустъ. Его сила и значеніе не въ административной дѣятельности и не въ созиданіи стѣнъ церковныхъ изъ матеріаловъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ религіи. До избранія на константинопольскую кафедру, т. е. до пятьдесятъ перваго года своей жизни, онъ не имѣлъ въ своихъ рукахъ никакой власти. Возведенный въ санъ пресвитера, онъ не былъ правою рукою своего епископа въ томъ смыслѣ, въ какомъ былъ ею Василій. Правда, онъ былъ любимъ и уважаемъ епископомъ Флавіаномъ, но оставался все время исключительно пастыремъ и проповѣдникомъ, руководителемъ душъ и учителемъ благочестія. Быть можетъ именно это обстоятельство сохранило ему чистоту характера и цѣлостность личности. Въ Константинополѣ онъ былъ строгимъ епископомъ и требовалъ отъ подчиненнаго ему клира нравственной чистоты и исполненія церковныхъ правилъ. Онъ боролся съ дурнымъ обычаемъ, компрометтировавшимъ церковь на Востокъ и Западъ,—съ такъ называемыми духовными браками, сожителствомъ неженатыхъ клириковъ съ дѣвственни-

цами. Неизвѣстно, какія административныя мѣры были приняты имъ противъ этого зла, но, несомнѣнно, онъ направилъ противъ него свое мощное слово, памятникомъ котораго служатъ сохранившіяся до нашего времени два слова противъ живущихъ съ дѣвственницами. Затѣмъ онъ возставалъ противъ пресмыкательства клириковъ предъ богатыми и противъ ихъ паразитизма. Онъ убѣждалъ ихъ довольствоваться тѣми средствами, которыя даетъ имъ церковь, и не бѣгать на пышные обѣды богачей. Нѣкоторымъ клирикамъ за порочную жизнь было даже запрещено служеніе. Отъ вдовъ новый епископъ потребовалъ, чтобы онѣ или вступали во второй бракъ или, если хотятъ причислять себя къ этому почитаемому въ церкви классу, оставили наряды и изнѣженную жизнь. Онъ старался повліять на бродячихъ монаховъ, которые своимъ недостойнымъ поведеніемъ и попрошайствомъ возбуждали презрѣніе къ самому монашеству и всевозможныя нареканія на него. Есть извѣстіе, что Златоустъ поддержалъ передъ Евтропіемъ и императоромъ просьбу Порфірія, еп. Газы, о разрушеніи языческихъ храмовъ въ Финикіи, и что по его настояніямъ былъ изданъ указъ о закрытіи капищъ и истребленіи идоловъ. Въ 400 году, приглашенный въ Ефесъ для замѣщенія вакантной каѳедры, Златоустъ низложилъ шесть тамошнихъ епископовъ, купившихъ посвященное за деньги. Въ этомъ же году онъ оказалъ энергическое сопротивление военачальнику готовъ Гайнѣ, настаивавшему предъ императоромъ на правѣ готовъ-аріанъ имѣть одну церковь въ стѣнахъ города. Вотъ все важнѣйшее, что извѣстно намъ объ административной дѣятельности Златоуста въ санѣ епископа. Повторяемъ, онъ былъ строгимъ и требовательнымъ епископомъ, но изъ приведенныхъ фактовъ видно, что и въ этомъ случаѣ онъ предпочиталъ дѣйствовать не столько мѣрами дисциплинарныхъ взысканій, сколько словомъ убѣжденія и нравственнымъ вліяніемъ. Трудно также сказать, насколько мѣропріятія противъ язычниковъ и Гайны соответствовали личному характеру святителя и насколько они обусловливались самымъ его положеніемъ. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что заботы святителя не поставили константинопольскій клиръ на такую общепризнанную высоту, на какой стоялъ клиръ Василія, и что имъ не было создано прочной организациі церковныхъ

силъ, которая стояла бы за его лицомъ. Въ чувствѣ правоты своего дѣла и незапятнанной чистоты своей личности, онъ былъ одинокъ въ Константинополѣ, имѣлъ противъ себя всѣ имущіе и властные классы, а на своей сторонѣ лишь любовь народа, бѣдныхъ и небольшого избраннаго кружка преданныхъ лицъ, родственныхъ ему по духу.

Далѣе, заслуга Златоуста предъ церковью не состоитъ въ выясненіи ея вѣроученія. Въ этомъ отношеніи его нельзя сравнивать съ такими борцами за правильность вѣры, какимъ былъ, напр., Аѳанасій Александрійскій. Онъ не внесъ съ своей стороны ничего новаго и оригинальнаго въ тотъ процессъ превращенія живой и непосредственной вѣры въ соотвѣтствующія и укрѣпляющія ее понятія и теоретическія формулы, который потребовалъ отъ восточной церкви столько усилій и сопровождался столь ожесточенной борьбой различныхъ партій и сектъ. Для исторіи догматовъ толстые фоліанты его твореній не даютъ ничего. Впрочемъ біографы¹⁾ Златоуста совершенно справедливо отмѣчаютъ тотъ фактъ, что первые шаги проповѣдника являются колеблющимися и не вполне соотвѣтствуютъ обнаружившейся впоследствии оригинальности его таланта. Подчиняясь общему теченію, увлекавшему его на проторенную дорогу догматическихъ разсужденій, онъ произноситъ въ первые годы своей проповѣднической дѣятельности рядъ бесѣдъ, посвященныхъ исключительно вопросамъ догматическимъ. Таковы его бесѣды противъ язычниковъ, іудеевъ и аномеевъ. Но это были ложные шаги таланта, еще не сознаващаго свою истинную оригинальность и свое призваніе въ жизни. Вскорѣ Златоустъ перешелъ къ иному способу проповѣди. Онъ включалъ въ свои бесѣды и догматическіе вопросы, но касался ихъ лишь по мѣрѣ необходимости и нуждъ паствы, главное же вниманіе посвящалъ призыву къ нравственному возрожденію. Чистоту вѣры онъ, конечно, считалъ необходимымъ условіемъ спасенія, но постоянно приглашалъ слушателей вѣровать въ простотѣ, не обнаруживать излишней пытливости и помнить, что „природа разсудочныхъ доводовъ подобна лабиринту, нигдѣ не имѣетъ конца и не позволяетъ мысли утвердиться на какомъ-

1) Aime Puech. St Jean Chrysostome et les moeurs de son temps. Paris. 1891, pp. 23—25:

нибудь основаніи“¹⁾. Онъ не переставалъ повторять, что тотъ, кто содержитъ правильные догматы, а живетъ по язычески, непременно лишится вѣчной жизни.²⁾

Наконецъ, несмотря на свои продолжительные аскетическіе подвиги, четырехлѣтнее пребываніе въ монастырѣ и даже двухлѣтнее отшельничество, несмотря на свое всегдашнее уваженіе и симпатію къ монашеской жизни, Златоустъ не былъ мистикомъ, и въ его обширныхъ томахъ трудно отыскать мистическіе элементы. Но въ виду неясности самаго термина „мистицизмъ“, необходимо выяснить тотъ смыслъ, который соединяемъ мы съ этимъ понятіемъ. Мистика и религія не одно и то же, и эти два понятія далеко не покрываютъ другъ друга. Мистика есть одна изъ формъ религіи. Гранью, раздѣляющей ее отъ другихъ формъ религіи, служить способъ пониманія любви къ Богу, составляющей основу всякой религіи. Человѣкъ можетъ любить Бога или непосредственно, сосредоточивая на представленіи о Немъ весь запасъ своего чувства, или же въ лицѣ ближнихъ. Первая форма любви къ Богу и создаетъ мистику. Она фатальнымъ образомъ ведетъ къ искусственной культурѣ чувства, къ уединенію, къ замкнутости, къ экстазу и къ прочимъ отступленіямъ отъ законовъ жизни и природы, въ которые поставленъ человѣкъ самимъ Богомъ. Вторая форма, оставаясь по существу не менѣе религіозной, не удаляетъ человѣка изъ условій естественной и нормальной жизни. Она не отрицаетъ, а преобразуетъ природу и общество. У Златоуста мы ничего не найдемъ ни о созерцаніи, ни о мистическомъ экстазѣ, ни о спеціальной культурѣ чувства, ни о любви къ Богу, отрѣшенной отъ дѣятельности и любви къ человѣку. Воспѣвая гимны любви вслѣдъ за апостоломъ языковъ, предъ которымъ онъ преклонялся съ особенною любовью и уваженіемъ, Златоустъ рѣдко не разумѣетъ подъ нею заповѣданную Христомъ любовь къ человѣку или, вѣрнѣе, любовь къ Богу въ лицѣ ближняго.

Чѣмъ же былъ св. Іоаннъ Златоустъ въ исторіи христіанской церкви, какая отличительная черта характеризуетъ собою его личность и дѣятельность? Значеніе великаго

1) Златоустъ. Т, IX, 507—508.—s

2) Ibid. I, 603: IV, 738; VIII, 39.—